

«**М**ама, консервы рыбные на столе — это папа угостил», — отрапортовала старшая дочь по телефону. «Кого угостил?» — не поняла я, озираясь по сторонам. Пустые комнаты ошалело моргали электричеством. «Ну как кого? Ты же там пока одна, или эта информация устарела?» — «Это я устарела», — кокетливо пыхчу в нагретую трубку.

Банка была такая семисотграммовая, неловкая для еды, но я не стала накладывать из нее рыбу в тарелку. Я хотела так обмануть себя: мол, одну только ложечку, попробовать, перебить аппетит, не больше. Хлеб не отрезала, а взяла, как было, четверть булки. Откушу, думаю, два-три раза — и все, вечер уже, зачем...

Я подцепила вилкой ломтик, подтащила его к горлышку банки: интересно, какая это рыба? Щука? Не похоже. Лещ? Лещ жирный, а эта — какая-то постная. Неужели карась? Да, вот серо-синеватые ребрышки около боковых плавников. Похоже...

«Какой всякодельный! — подумала я не без восхищения про бывшего мужа. — Все умеет, зараза. И всегда умел. А сейчас,

видно, на старые промыслы опять потянуло. И зачем им с молодой консервы? Заняться, что ли, уже нечем?»

«А заняться уже и нечем!» — осенила меня догадка.

— Ты куда?

Бряцанье весел на всю округу.

— Опять?

— Рыба идет!

— Да ее уже хранить негде!

— Раздавай...

— Я одна с детьми... Ради чего?.. Чтобы раздать? Пусть их мужья сами... А их жены сами... — обегаю в пятый раз машину за мужем.

— Тогда я присолю. А приеду, из свежей консервы сделаю.

— Какие консервы? Голод, что ли? Полный магазин вон...

Машина срывается, и я машу руками пустой улице:

— Школа... Дети... Осень... Дачу убирать...

С ветки большого оранжевого клена падает мне на лоб здоровенный лист, соскальзывает с носа и, виляя краями, летит за машиной. Непривычно чувствовать себя глупой и ненужной.

— Я кто? Я учительница! — кричу вдогонку стрекочущим шинам. В голосе хлюпают слезы: это время вольных фотомоделей хлопнуло тебя по носу, мать и учительница. — И я сделаю маникюр, и я... — решительно обнимаю свой светло-голубой халат, но зовут дети, и я замолкаю. Мама, возьми меня к себе!

«К себе, ага! — дергаю полными плечами. — К себе — это в могилу! — Кусок рыбы застревает в горле. — Кхы... Слава Богу, что нет...»

После полного вдоха я справляюсь с окаменевшим куском. Осторожно откусываю мягкий хлеб. «Ах, какое удовольствие! Бог с ней, с рыбой. Что там еще в банке? Ага, морковь и помидоры! С хлебом замечательно! Ох, и здесь косточка...»

А потом уже глядь — и без рыбы.

— Ты что, два дня — и без рыбы?

— Тебе же не нужна рыба!

— Мне нужен ты. И у нас дети...

«Это что, амнезия? Да он сейчас вспомнит, засучит рукава, спасет тут всех!» — наивно хлопаю я мохнатыми ресницами.

Его вдруг передергивает, как меня при мысли о смерти. Он цепляет чумазой пятерней мой подбородок, опрокидывает лицо к небу: «Я не хочу ничего об этом знать! Знать не хочу ничего об этом!» Мое лицо голубеет под цвет халата и неба. В глазах от яркого солнечного света вспыхивают перламутром слезы.

«Кхы... Нет, все-таки надо поосторожнее с этими костями. Вот вроде не свежие, а все ранят».

Я лежу на подушке, раскинув руки в стороны. Кого я хочу обнять? «Оп-па, а подо мной, похоже, земля! Да, а надо мной — все то же небо, голубое-голубое, облака белые-белые!» Я благолепно улыбаюсь... Вдруг слышу с вышины плач. А плач зачем? В этом теплом, светлом, мягком (поднимаю и опускаю голову), почти сказочном мире...

— Мам, пойдём, — это голос младшей.

— Хватит лежать, — трясёт над лицом воду старшая.

— Подушка — прямо на земле? — удивляюсь я. — Ой, а спине-то холодно! Что так?

— Ты упала...

— Лежишь и лежишь...

— Смотрим, папы нет, ты одна...

— ...мы подушку...

— Ничего! Ничего! — поднимают меня дети, отряхивают со спины сухую траву, разноцветные листья, веселые осенние бархатцы и сентябринки, ведут к дому.

У двери я оглядываюсь. Через открытые ворота ограды вижу, как дико вскидывается готовая к новым переходам машина. На высокой перекладине от гаража к веранде раскачиваются пушистые блестящие сети.

Десять лет прошло... А ничего так и не прошло! Я закрываю банку, отодвигаю на середину стола. От света электрической лампы серо-синие бока рыбы загораются перламутром. Пропади она пропадом! Пододвигаю хлеб. Склоняюсь над помятым куском...